

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 71–78, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-71-78
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 39

Migrations of Mongolian-Speaking Tribes from Transbaikalia to Manchuria

Darima B. Batoeva¹

¹ Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Junior Research Associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation).
E-mail: darimab@yandex.ru

Abstract. The paper examines migrations of Mongolian-speaking groups — Khor-Tumats, Khorchins, Barguts and Daur — from Eastern Transbaikalia to Manchuria in the 13–17th centuries. In the first half of the 17th century, the Daur people were closely linked with the Manchu, and some Manchu clans could have actually been of Daur origin. The Daur had been nominally affiliated with the Khorchins from 1634 to 1692, and later were included in the banner system by the Kangxi Emperor. Buryat folklore and chronicles show the Khorchins had originated from Eastern Transbaikalia. Khorchins were a close ally of Manchus, in 1606 they presented Nurhaci his first title of ‘khan’ — *Kundulun Khan*. Manchus had had a significant influence on the Barguts’ ethnic process. The latter were separated into different groups, many of them being relocated to Mukden where some called them — a ‘Ninth Banner’. The Barguts resettled to Manchurian heartland gradually assimilated into Manchu society and were subsequently sinicized together with the Manchu people. Their descendants remember about their Mongolian origin till nowadays. Manchu chronicles noted some Mongolian origin of the Yehe clan — the leading one within the Hulun Alliance of Manchuria. Sources specified founders of this clan as ‘Tumets’. The paper refutes the opinion according to which the Yehe had been established during the period of Altan Khan’s campaigns. Yehe Bujai Prince (ruled in the 1590s) was a sixth-generation descendant of the Yehe clan’s founder Shingen Darkhan, i.e. the latter had been born approximately in the mid-15th century. South Mongolian Altan Khan was born in 1507, thus, the invasion of the Tumets to Hulun cannot be dated to this time. We consider the theory which identifies Yehe Tumets as Khor-Tumats to be more correct.

With reference to manuscript sources, published scholarly works and folklore, the article provides an overview of migrations of significant Mongolic groups from Transbaikalia to present-day Heilongjiang, Jilin, and Liaoning. It shows that from the 13th to the 17th centuries — driven by different reasons — Khor-Tumats, Khorchins, Barguts and Daur moved southwards and eastwards deep into the territory of Manchuria, appearing from time to time near the borders of Ming China. The circumstances under which some of the tribes (e.g., Muu-Mingan and Gorlos) got resettled are to be investigated in future, just like the case with the Three Uriankhai Guards that had been under the dominion of the Ming in the 15–16th centuries and bordered upon Jurchen territories. In general, the scale of migrations of Mongolic groups from Transbaikalia (or across Transbaikalia when it comes to Khor-Tumats) to Manchuria is impressive enough. Already by the early period of Nurhaci’s activities aimed at uniting the Jurchen tribes, his neighboring areas were inhabited by Mongols of the Hulun alliance. In the north, the Nen River Valley was inhabited by the Khorchin and Gorlos. The Mongolian language and script were quite widespread all over the region. The establishment and consolidation of

the Manchu Empire resulted in further migrations of other ethnic Mongolian groups — completely or partly originating from Transbaikalia — to Manchuria. The Manchu rulers put an end to the military, political and cultural pressure of Mongols, bringing the migration processes under their control, which in its turn resulted in the Manchu cultural pressure on Mongols. Some minor Mongolic groups were gradually and overwhelmingly assimilated by the Manchu, with separate populations finally cinicized.

The research scrutinizes mutual influences between Daur and Manchus, and suggests that some Daur clans could have formed part of the Manchu population. It notes that the Daur had been nominally affiliated with the Khorchins for some time, and also mentions ethnic ties of Khorchins with Transbaikalia, including the related claims of Manchus on the territory. Again, special attention is given to supposed Mongolian roots of the Yehe clan

Keywords: Manchu, Mongol, ethno-cultural relations, migration processes, Daur, Barguts

Говоря о взаимовлияниях монголоязычных племен Забайкалья и этносов, составивших маньчжурскую нацию, чаще всего упоминают тесные контакты дауров с маньчжурами. Обширную тему для исследований представляют переселения забайкальских и приамурских племен в Маньчжурию, на территории современных провинций Хэйлунцзян, Гирин и Ляонин. Кроме того, в последнее время все больше публикаций появляется о переселениях в глубь Маньчжурии такого племени, как баргуты, в прошлом обитавшего на севере современной Бурятии. В российской науке редко затрагиваются вопросы этнических связей с Забайкальем таких крупных монгольских групп, как хорчины, а также — монголы завоеванных маньчжурами княжеств Хулунского объединения. В целом же общей картины миграций монголоязычных племен Забайкалья в сторону Маньчжурии пока нет, и именно этот пробел призвано заполнить данное исследование.

Монголоязычные дауры, которых долгое время в российской литературе ошибочно считали тунгусами, к началу XVII в. расселились на обширной территории от Витима на западе до бассейна Зеи в Приамурье на востоке. Около 1616 г. дауры начали сталкиваться с экспансией маньчжуров Нурхаци, походы которых в Приамурье продолжались в течение десятилетий. История завоевания этого региона маньчжурами достаточно исследована [Внешняя политика государства Цин 1977; Мелихов 1974], поэтому здесь мы заострим внимание только на отдельных моментах, уточняющих важные для нас детали. Самым существенным является то, что в маньчжурских документах (на китайском языке) все эти походы в основном интерпретируются как действия

против солонов. Между тем, свидетельства русских документов 1640–1650-х гг. показывают многочисленные селения дауров примерно в тех же местах, где ранее оперировали маньчжурские отряды. Иными словами, маньчжурские документы упоминают почти исключительно солонов, а русские — дауров, реже — дючеров.

Б. Д. Цыбенков, вероятно, не случайно считает известного по маньчжурским источникам предводителя солонов Бомбогора представителем рода дауров и главой «даурско-солонского союза» [Цыбенков 2012: 66]. Хотя ссылок на источник этой информации автор не приводит, версия выглядит не лишенной логики. В другом месте со ссылкой на изданную во Внутренней Монголии «Краткую историю даурской нации» Б. Д. Цыбенков указывает, что «в рассматриваемый период (первая половина XVII в. — Б. Д.) маньчжуры делили население Приамурья на два крупных объединения: солоны и сахарча. В состав первых входили даурские роды Верхнего Амура до впадения в него Зеи. Даурское население среднего и нижнего течения Зеи, включая роды ардан и судур, входило в состав сахарча» [Цыбенков 2012: 46].

По поводу путаницы между даурами и солонями А. П. Голиков замечает, что, с одной стороны, дауров часто включали в состав солонов, с другой — «таёжных солонов иногда именовали даурами» [Голиков 2013: 75]. Он же пишет: «В бюрократическом лексиконе Цинской империи первичным были не этнические (напр. языковые, культурные, идентификационные) отличия, а разница образа жизни. В частности, существовали две категории кочевников (юму) и лесных охотников (дашэн, бутэха, урянхай). По отношению к первым чаще применялись пле-

менные (улусные) наименования, охотники же обычно не дифференцировались» [Голиков 2013: 74]. Солоны — тунгусское племя, испытывавшее некоторое культурное влияние монголов, в период расцвета Цинской империи воспринималось маньчжурами как родственное, благодаря чему его воинов часто использовали в качестве гарнизонов в отдаленных местностях. В какой-то мере это отношение маньчжуры переносили и на дауров, один из вождей которых уже в 1640-х гг. стал императорским зятем *эфу* и в 1649 г. вместе с семьей и родственниками переехал в Пекин [Цыбенков 2012: 66]. Этим, однако, не исчерпывались связи двух народов.

В 1635 г. маньчжуры увели с собой на юг более семи тысяч дауров и солонов. В 1641 г. в погоне за восставшим даурским вождем Бомбогором маньчжуры доходили до местности в современном Забайкалье и захватили последних сопротивлявшихся 80 воинов и 725 женщин и детей. После столкновений с русскими казаками и исхода оставшихся дауров из Приамурья в Маньчжурию там их насчитывалось 5 673 чел. [Цыбенков 2012: 77], т. е. меньше, чем было уведено маньчжурами ранее, в 1635 г. Очевидно, какая-то часть дауров, уведенных в 1635 г., тогда же была включена в состав маньчжурских знамен и осталась там после переселения их соотечественников из Приамурья. В составе дауров фиксировались роды *гобол* (или *говол*) и *хэсур* [Цыбенков 2012: 45], а в составе маньчжуров — *говол* (или *ховол*) и *гэджэрэ* [Өлзий 1990: 67–68]. Возможно, названия этих родов не просто созвучны, а сами эти роды являются частями некогда единых даурских этнических групп.

В 1650 г. Е. Хабаров от плененной им даурки, сестры князя Лавкая, узнал, что та была «в плену у Богдоя», т. е. маньчжурского хана. В 1651 г. отряд Е. Хабарова перед боем с даурами князя Гуйгудара столкнулся с тем, что в лагере князя находилось 50 маньчжуров, которые, по словам дауров, постоянно проживали в их улусе «для ясаку и с товары» до прибытия новой партии [Мясников 1980: 75]. Таким образом, уже в 1630–1650-х гг. дауры были достаточно тесно связаны с маньчжурами и, несомненно, между ними шли процессы этнокультурного взаимодействия. Эти процессы также могли происходить опосредованно через другие племена, в более раннее время начавшие сближаться с маньчжурами. Напри-

мер, в 1634 г. армия восточно-монгольского племени хорчинов предприняла поход в Приамурье, преследуя мятежного хорчинского же джинонга Бадари. Разбив Бадари, хорчины также ограбили местное население и увели с собой в район р. Нонни множество пленных дауров [Цыбенков 2012: 69]. Примерно в тот же период (приблизительно в 1635 г.) в источниках отмечается хорчинский нойон с именем Дагур и титулом хатан-багатур [Daičing ulus-un mongγul-un maγad qauli 2013: 127]. Это мог быть полководец, отличившийся в кампании 1634 г. и получивший титул (а не имя) со значением «даурский», либо это просто один из дауров на службе у хорчинов.

По мнению М. Эллиота, долгое время дауры, как и сибо, считались формально объединенными с хорчинами [Elliot 2001: 85]. Может быть, это утверждение следует считать более справедливым для той части дауров, которая была захвачена хорчинами в 1634 г., но, возможно, к хорчинам на некоторое время присоединяли и другие группы переселявшихся с севера дауров. В 1692 г. хорчины освободили дауров [Цыбенков 2012: 77], после чего при Канси дауры (и сибо) были организованы в ниру и включены в систему знамен [Elliot 2001: 85].

Сами хорчины на протяжении всего XVII в. все более сближались с маньчжурами, считаясь для них наиболее близкими союзниками среди монголов. В 1606 г. от хорчинов Нурхацы впервые получил ханский титул — Хундулун-хан [Crossley 2000: 143]. В 1612 г. хорчинский нойон Минган отдал свою дочь замуж за Нурхацы [Ермаченко 1974: 25]. По мнению некоторых исследователей, хорчинский нойон Онгудай, ранее принимавший участие в «походе девяти племен», также породнился с домом Нурхацы [Модоров, Дацышен 2009: 27]. В 1614 г. сыновья Нурхацы Дашан, Мангуртай и Дэхэлэй взяли в жены дочерей из южномонгольского княжества Джарут, а сын Нурхацы Хунтайджи (Абахай) женился на дочери Мангуса из княжества Хорчин [Ермаченко 1974: 25]. Следует отметить, что пять основных супругов Хунтайджи были хорчинками.

Углубляясь в историю хорчинов, можно увидеть, что и этот крупный этнос сформировался далеко от исторической Маньчжурии, в Забайкалье. Хорчины управлялись князьями-хасаридами, а удел Хасара располагался в юго-восточном Забайкалье. Уход

хасаридов оттуда в Восточную Монголию и в бассейн р. Нонни в Маньчжурии некоторыми исследователями связывается с периодом возвышения ойратов в первой половине XV в. [Uspensky 2012: 232]. При этом сложение хорчинской этнической группы произошло до переселения, потому что память о народе с названием *хорчин* (*аба хорчин*) или *хорчинол*, населявшем ранее Баргузинскую долину в северном Забайкалье, сохранялась в фольклоре бурят и эвенков, а также была зафиксирована в бурятских летописях [Бурятские летописи 1995: 178]. В эпоху Монгольской империи основная масса хорчинов переселилась на юго-восток Забайкалья, но отдельные их группы (бур. *хоршон*) оказались в противоположной стороне, в горной Оке, а также в районе Нижнеудинска, где проживают и сейчас. Время и обстоятельства отделения этой западной ветви хорчинов пока не ясны. Впрочем, и вопрос о времени миграции хорчинов на восток тоже, скорее всего, требует значительных уточнений.

Месторасположение бывшего удела Хасара в юго-восточном Забайкалье было в общих чертах известно маньчжурам, которые на этом основании пытались обосновывать свои притязания на эти территории. Указывая русским на то, что у тех территорий «владельцы есть живы, которые тою землею владели», маньчжуры вели свою дипломатическую игру во время переговоров о границе [Мясников 1980: 238]. Любопытно, что из всех прежних насельников края маньчжуры более всего вспоминали о «племени маоминъань». Как писал В. С. Мясников, глава маньчжурской делегации на переговорах в Нерчинске в 1689 г. Сонготу апеллировал к сочинению «Кайго фанлюэ», в котором упоминалось, что «живший некогда в Забайкалье эвенкийский род му-минган («маоминъань») откочевал на юг и продолжал там кочевать на землях бурят и урянхайцев» [Мясников 1980: 239].

Племя, о котором идет речь, действительно было монгольским и входило в число подданных хасаридов. Если же судить по его названию (монг. *муу минган* «плохая тысяча», в данном случае термин *муу*, возможно, несет смысл «милая»¹), изначально племя было скорее военно-административ-

ным образованием, причем наиболее приближенным к лидеру удела. Не исключено даже, что формирование этой «тысячи» производилось путем разверстки из разных племен, входивших в хасаридский удел. Потомки Хасара правили также несколькими другими племенами, в числе которых В. Успенский помимо хорчинов и муу-минганов называет уратов, горлосов, джалайтов, дорбэтов (восточную ветвь — *Б. Д.*) и племя дорбэн-хуухэд [Uspensky 2012: 232]. Иногда муу-минганы рассматриваются как часть хорчинов.

Во время упоминавшихся переговоров в Нерчинске произошло выступление значительной группы бурят и «онкотов», в результате которого против русских выступило до двух тысяч человек [Мясников 1980: 243]. Все они в итоге ушли за вновь проведенную границу вместе с маньчжурами. В 1692 г. из-под Нерчинска ушла еще одна группа бурят. Позднее вблизи границы наиболее крупное объединение бурятских родов зафиксировано на северо-востоке аймака Сэцэн-хана, причем большинство этих родов были из хоринского племени, а меньшая часть — из племен ононских хамниган (в русских документах, вероятно, названных «онкотами»). В конце концов маньчжуры, приняв в подданство халхаских ханов, объединили основную массу нерчинских беглецов с осколками отдельных халхаских и южномонгольских родов, поселили в Хулун-Буире с баргутами и включили в знаменные войска. Фактически маньчжуры создали новую общность, получившую название «новых баргутов». С течением времени, а также в силу трагических событий восстания 1730 г. (подробнее см. Нацагдорж [2012]), «новые баргуты» отказались признавать себя сородичами российским бурятам, хотя до самого недавнего времени говорили на диалекте бурятского языка и у них до сих пор в полной мере сохранилась идентичная хори-бурятской номенклатура генонимов. Список родов «новых баргутов» приводит Б. Д. Цыбенков [Цыбенков 2016: 41].

Влияние маньчжуров на этнические процессы у баргутов имело очень широкий размах и началось, возможно, ранее Нерчинского договора. В исследовании Боржигин Бурэнсайна описывается исход значительной группы (до 10 тыс. чел.) монгольского племени баргутов в Маньчжурию в 1689 г. во время вторжения ойратского Галдана Бо-

¹ Речь идет о традиции монгольских народов применять слово *муу* («плохой») в ситуациях, когда именуются близкие, милые люди, часто дети. — *Прим. ред.*

шоку в Халху. В дальнейшем часть этих баргутов была переселена на территорию Ляодуна, включена в состав восьми знамен. Из баргутов было сформировано не менее 15 ниру (рот). По всей вероятности, ляодунские баргуты испытали ассимиляцию с маньчжурами, а затем вместе с маньчжурами эта ветвь баргутского племени была сильно китаизирована. При этом память о монгольском происхождении потомки ляодунских баргутов сохраняли до последнего времени [Бурэнсайн 2014: 37–38]. О переселении баргутов в Мукден упоминает и А. П. Голиков: «В подчинении бригадного генерала (фудутун) в Хулунбуире (Барга) находились баргуты (северная ветвь монгольских языков, близки бурятам). Часть из них формировала роты, включавшиеся в состав восьмизнаменных войск. Большое их количество было направлено в Мукден. Здесь их часто называли „девятым знаменем“» [Голиков 2013: 75].

Так называемые «старые баргуты» попали в сферу влияния маньчжуров почти одновременно с халхаскими ханами и на тот период в основном населяли Хулун-Буир. Однако в период образования Монгольской империи они еще жили в северо-западных районах Забайкалья, в частности, в Баргузинской долине. Будучи вовлечены в имперские походы, они постепенно мигрировали южнее. Как видим, политика Цинской империи в их отношении привела к очередным разделением баргутов и дальнейшим миграциям в глубь Маньчжурии.

В связи с хоринскими бурятами и баргутами нельзя не упомянуть версию о происхождении династии («рода») Ехэ, длительное время возглавлявшего одноименное сильное княжество в Маньчжурии. Ехэ лидировало в Хулунском объединении, включавшем в себя также княжества Ула, Хойфа и Хада. После завоевания маньчжурами всех четырех государств Хулуна Ехэ вошли в состав формирующейся маньчжурской нации в качестве довольно знатного рода. В маньчжурских документах говорится, что род ехэ происходил от монгольского племени тумот, которое отобрало власть у рода Нара [Мелихов 1974: 41]. Тем не менее, название Нара часто продолжало использоваться и для «узурпаторов» Ехэ в двойном наименовании *ехэ нара*. В Хада князья остались из прежней «домонгольской» династии Нара, в Хойфа — правители были выходцами с севера. Некоторые авторы считают, что и

правители Ула тоже были монгольского происхождения [Pei Huan 1990: 270]. Род князей Ула обычно называли *ула нара*.

Сегодня широко распространено мнение о том, что эти «тумоты» являются южномонгольскими тумэтами, во главе с Алтан-ханом совершавшими походы в Маньчжурию (в частности, близкое мнение высказывается в примечаниях к монгольскому переводу «Правдивых записей о монголах Цинской империи» [Daičing ulus-un mongγul-un maγad qauli 2013: 1192]). Между тем, существует целый ряд нюансов, в свете которых такая трактовка выглядит крайне маловероятной. Во-первых, известные факты о происхождении династии Ехэ не коррелируются с этой версией. Генеалогия князей Ехэ представляется в следующем виде: Шингэн-дархан — Ширгэ-мингату — Чиргани — Чукунгэ — Тайчу. У Тайчу было два сына — Чингияну и Янгину. Сыновья этих двух, Бучжай и Наримбулу, стали князьями-соправителями (с той поры в Ехэ утвердилось эта система двух князей, один из которых был главным). Бучжай в 1593 г. возглавлял «поход девяти племен» на княжество маньчжуров Нурхаци. Отсюда по количеству поколений ясно, что основание Ехэ относится к XV в., т. е. ко времени до рождения Алтан-хана. Во-вторых, следует учитывать и факт заключения брачного союза между Ехэ и чахарским правителем. Сутай, внучка Хинтайши (младшего брата Наримбулу), вышла замуж за Лигдэн-хана. Это говорит о том, что династия Ехэ вряд ли была чингисидской по происхождению. Браки внутри чингисидов сами по себе не приветствовались, тем более маловероятен был бы брак между потомками Даян-хана, к которым принадлежали правители тумэтов и чахаров. Даже для монголов этнографического времени такой брак казался бы близкородственным.

Еще О. Латтимор предположил, что Ехэ является монгольским словом со значением «великий» [Lattimore 1934: 51]. Это мнение не лишено интереса, хотя маньчжурские источники считают, что монголы, свергшие Нара, назвали свой род по реке Ехэ, на берегу которой осели (поэтому, кстати, иногда название рода ошибочно пишут Ехэхэ, где хэ является китайским словом «река»).

Очень интересно, что род под названием *ехэ зон* указан в числе повстанцев упоминавшегося выше антиманьчжурского восстания «новых баргутов» в 1730 г.

В этнониме *ехэ зон* второе слово на бурятском языке означает «народ» (*зон* — специфический бурятский термин со значением «народ», практически не встречающийся в других монгольских языках). Остальные отмеченные в русских документах роды, представители которых также участвовали в восстании и попытались уйти на российскую сторону в Забайкалье, относятся в основном к хоринскому племени и в меньшей степени — к ононским хамниганам [Нацагдорж 2012: 220]. При этом в некоторых случаях в монгольских источниках одного и того же человека могут причислить к роду *ехэ зон* и к хоринскому роду *галзут* [Нацагдорж 2012: 221]. Очень может быть, что *ехэ зон* — это какая-то патронимическая группа внутри хоринцев. Здесь, возможно, и кроется разгадка происхождения «тумотов», основавших династию Ехэ. Дело в том, что в монгольских письменных памятниках XIII–XVII вв. хоринцев называли хори-тумат (*qori tumat*), или хори тумэт. Особо надо подчеркнуть, что вторая часть этого составного этнонима у монголов пользовалась большей популярностью и использовалась чаще, т. е. хоринцев именовали просто туматами. Так, например, в § 240 «Сокровенного сказания монголов» изложение начинается с упоминания хори-туматов, а далее фигурируют уже просто туматы, но без указания на какое-либо отличие вторых от первых, т. е. речь идет об одном народе.

Д. В. Цыбикдоржиев пишет, что в хоринских бурятских письменных памятниках и в фольклоре фигурируют синонимичные термины Ехэ и Ёго, которыми называют то персонажа из истории, то некую страну, где хоринцы проживали перед возвращением в Бурятию в 1594–1613 гг. Эту же страну хоринские буряты называют государством солонгутов, которым правил князь с маньчжурским титулом *бэйлэ*. Исследователь отождествляет «тумотов» маньчжурских памятников с хори-туматами, а княжество Ехэ — с солонгутами монгольских и бурятских летописей XVI–XVIII вв. По этой версии хори-туматы мигрировали из Прибайкалья и оказались на Дальнем Востоке после 1260-х гг. в ходе распри между сторонниками и противниками Хубилая [Цыбикдоржиев 2008: 34, 39]. В 1594–1613 гг. часть из них смогла возвратиться к Байкалу и после бурных событий XVII в. расселилась по территориям современных Забайкальского края и Республики Бурятия, составив там

наиболее многочисленную бурятскую этническую группу.

Таким образом, мы дали обзор миграций значительных монголоязычных групп с территории Забайкалья в Маньчжурию. Хори-туматы, хорчины, дауры и баргуты на протяжении XIII–XVII вв. в силу разных причин продвигались на юг и восток, в глубь Маньчжурии, временами оказываясь у самых границ минского Китая. Обстоятельства переселения некоторых племен, например, муу-минганов и горлосов, еще предстоит уточнить. Также ждет своего исследования история монголоязычных племен «трех округов Урянха», в XV–XVI вв. находившихся под властью Мин и граничивших с чжурчженским ареалом. В целом картина движения монголоязычных групп из Забайкалья (или через Забайкалье — если говорить о хори-туматах) на территорию исторической Маньчжурии выглядит вполне впечатляющей. Уже к началу деятельности Нурхацы по объединению чжурчженских племен вблизи от его княжества были расселены монголы сильных государственных образований Хулунского объединения. На севере, в бассейне Нонни, жили группы хорчинов и горлосов. Монгольский язык и письменность были широко распространены во всем регионе. Становление и укрепление маньчжурской империи привело к переселениям на территории Маньчжурии новых этнических групп монголов, чье историческое прошлое было полностью или частично связано с Забайкальем. Деятельность маньчжурских правителей приостановила военно-политическое и культурное давление монголов, а миграционные процессы поставила под контроль, вследствие чего началось культурное давление уже маньчжуров на монголов. Постепенно в отношении малочисленных монгольских групп в полной мере проявилась ассимиляция с маньчжурами, местами приведшая и к китаизации.

Литература

- Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ: БИОН СО РАН, 1995. 198 с.
- Голиков А. П. О менее известных этнополитических группах в восьми знамёнах // Известия Восточного института. 2013. № 1 (21). С. 69–79.
- Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука, 1974. 196 с.

- Внешняя политика государства Цин в XVII веке / ред. Л. И. Думан; АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1977. 385 с.
- Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 246 с.
- Модоров Н. С., Дацышен В. Г. Народы Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии в борьбе с цинской агрессией. 1644–1758 гг. Горно-Алтайск: Горно-Алтайск. гос. ун-т, 2009. 140 с.
- Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. 312 с.
- Цонгоол Б. Нацагдорж. О побеге баргутов в Россию в 1730 г. // Культурное наследие народов Центральной Азии. Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СР РАН, 2012. С. 206–225.
- Цыбенков Б. Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. 251 с.
- Цыбенков Б. Д. О родовом составе баргутов Хулун-Буира // Баргуты: история и современность: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2016. С. 40–46.
- Цыбикдоржиев Д. В. Походы эпохи Монгольской империи в летописях, родословных, фольклоре и традиционных культах бурят // Мир Центральной Азии–2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 33–41.
- Боржигин Бурэнсайн. Найман хошууны монголчууд хааша явсан бэ? Ляодуны газарт суусан баргачуудын жишээгээр // Чин улс ба монголчууд. Сэндай, 2014. С. 31–41.
- Өлзий Ж. Өвөр монголын өөртөө засах орны зарим үндэстэн, ясны гарал үүсэл, зан үйл. Улаанбаатар: УХГ, 1990. 142 с.
- Mark C. Elliott. The Manchu Way. The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China. Stanford: Stanford University Press, 2001. 580 p.
- Lattimore, Owen. The Mongols of Manchuria: Their Tribal Divisions, Geographical Distribution, Historical Relations With Manchus And Chinese, And Present Political Problems; with maps. New York: John Day, 1934. 312 p.
- Kyle Crossley, Pamela. A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology. Berkeley: University of California. Press, 2000. 417 p.
- Pei Huang. New Light of the Origins of the Manchus // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 50, No. 1, 1990, pp. 239–282.
- Uspensky Vladimir. Rivalry of the Descendants of Chinggis Khan and His Brother Khasar as a Factor in Mongolian History // Oriental Studies — Past and Present. Proceedings of the International Conference of Oriental Studies. Warsaw 2010, Bareja-Starzyńska, Agata and Mejor, Marek (eds.), Rocznik Orientalistyczny 65 (1), 2012, pp. 231–235.
- Источники**
- Daičing ulus-un mongyul-un mayad qauli. Nigedüger emkitgel. – Köke-qota: Ebür mongyul-un suryal kümüjil-ün keblel-un qoriy-a, 2013. 1236 t.
- References**
- Buryatskie letopisi. / Sost. Sh.B. Chimitdorzhiev, Ts.P. Vanchikova. [Buryat chronicles. Comp. by Sh. Chimitdorzhiev, Ts.Vanchikova]. Ulan-Ude, Buryat Institute of Social Studies (RAS) Press, 1995, 198 p. (In Russ.)
- Golikov A. P. O menea izvestnykh etnopoliticheskikh gruppakh v vos'mi znamenakh [Eight Banner's less known ethnic-political entities]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal], 2013, No.1 (21), pp. 69–79 (In Russ.).
- Ermachenko I. S. *Politika man'chzhurskoy dinastii Tsin v Yuzhnoy i Severnoy Mongolii v XVII v.* [Policies of the Manchu Qing Dynasty in Southern and Northern Mongolia]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 196 p. (In Russ.).
- Vneshnyaya politika gosudarstva Tsin v XVII veke / red. L. I. Duman; AN SSSR. In-t vostokovedeniya [Foreign policies of the Qing dynasty in the 17th c.]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1977, 385 p. (In Russ.).
- Melikhov G. V. *Man'chzhury na Severo-Vostoke (XVII v.)* [Manchus in the Northwest (17th c.)]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 246 p. (In Russ.).
- Modorov N. S., Datsyshen V. G. *Narody Sayano-Altaya i Severo-Zapadnoy Mongolii v bor'be s tsinskoy agressiey. 1644–1758 gg.* [Peoples of the Sayan-Altay Region and Northwestern Mongolia in their struggle against the Qing invaders: 1644–1758]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk State Univ. Press, 2009, 140 p. (In Russ.).
- Myasnikov V. S. *Imperiya Tsin i Russkoe gosudarstvo v XVII veke* [The Qing Empire and the Russian state in the 17th century]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 312 p. (In Russ.).
- Tsongool B. Natsagdorzh. *O pobege bargutov v Rossiyu v 1730 g.* [The escape of Barga Mongols to Russia in 1730]. *Kul'turnoe nasledie narodov Tsentral'noy Azii* (Cultural Heritage of Central Asian Peoples), iss. 3, Ulan-Ude, Buryat Scient. Center (Sib. Branch of the RAS) Press, 2012, pp. 206–225 (In Russ.).
- Tsybenov B. D. *Istoriya i kul'tura daurov Kitaya. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of Daurs in China. Historical and ethnographic sketches]. Ulan-Ude, East Siberia State Univ. of Technology and Management Press, 2012, 251 p. (In Russ.).

- Tsybenov B. D. *O rodovom sostave bargutov Khulun-Buira* [The clan structure of Hulunbuir Barghuts]. *Barguty: istoriya i sovremennost': sb. nauch. st.* [The Barghuts: history and contemporaneity. Collected scholarly papers]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2016, pp. 40–46 (In Russ.).
- Tsybikdorzhiev D. V. *Pokhody epokhi Mongol'skoy imperii v letopisyakh, rodoslovnykh, fol'klore i traditsionnykh kul'takh buryat* [Military expeditions of the Mongol Empire in chronicles, genealogic tables, folklore and traditional cults of the Buryats]. *Mir Tsentral'noy Azii-2* [The World of Central Asia]. Ulan-Ude, Buryat Scient. Center (Sib. Branch of the RAS) Press, 2008, pp. 33–41 (In Russ.).
- Borzhigin Burensayn. *Nayman khoshuuny mongolchuud khaasha yavsан be? Lyaoduny gazart suusan bargachuudyn zhisheegeer* [Where did the Mongols of the Eight Banners go? Evidence from Liaodong Barghuts]. *Chin uls ba mongolchuud* [The Chinese and Mongols]. Sendai, 2014, pp. 31–41 (In Mong.).
- Ölziy Zh. *Övör mongolyn öörtөө zasakh орны зарим үндестен, ястны гарал үүсэл, зан үй* [About some nationalities of Inner Mongolia, their ethnic origins and life]. Ulaanbaatar, UKhG Publ., 1990, 142 p. (In Russ.).
- Mark C. Elliott. *The Manchu Way. The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China*. Stanford, Stanford University Press, 2001, 580 p. (In Eng.).
- Owen Lattimore. *The Mongols of Manchuria: Their Tribal Divisions, Geographical Distribution, Historical Relations With Manchus And Chinese, And Present Political Problems; with maps*. New York, John Day, 1934, 312 p. (In Eng.).
- Pamela Kyle Crossley. *A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology*. Berkeley, University of California Press, 2000, 417 p. (In Eng.).
- Pei Huang. New Light of the Origins of the Manchus. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 50, No. 1, 1990, pp. 239–282 (In Eng.).
- Uspensky Vladimir. Rivalry of the Descendants of Chinggis Khan and His Brother Khasar as a Factor in Mongolian History. *Oriental Studies – Past and Present. Proceedings of the International Conference of Oriental Studies, Warsaw 2010*, Bareja-Starzyńska, Agata and Mejor, Marek (eds.), *Rocznik Orientalistyczny* 65 (1), 2012, pp. 231–235 (In Eng.).

Sources

Daičing ulus-un mongyul-un mayad qauli. Nigedüger emkitgel [The Great Qing: laws of the Mongols. 1st ed.]. Hohhot, Inner Mongolia Pedagogical Institute Press, 2013, 1236 p. (In Mong.).

УДК 39

Миграции монголоязычных племен Забайкалья на территорию Маньчжурии

Дарима Баторовна Батоева¹

¹ кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: darimab@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе летописных источников, опубликованных научных работ, фольклора представлена общая картина передвижений значительных монголоязычных групп из Забайкалья на территории современных провинций Хэйлунцзян, Гири и Ляонин. Рассматриваются взаимовлияния дауров с маньчжурами, возможно, некоторые даурские роды вошли в состав маньчжуров. Отмечается, что некоторое время дауры номинально относились к хорчинам. Также затрагиваются вопросы этнических связей хорчинов с Забайкальем и связанными с ними притязаниями маньчжуров на эту территорию. Особое внимание уделяется монгольскому происхождению рода Ехэ, лидировавшего в Хулунском объединении и вошедшего в состав формирующейся маньчжурской нации в качестве одного из восьми знатных родов. Влияние маньчжуров на этнические процессы у баргутов привело к разделению баргутов и дальнейшим миграциям вглубь Маньчжурии. Постепенно часть из малочисленных монгольских групп ассимилировалась с маньчжурами, а затем вместе с маньчжурами и китаизировалась. При этом некоторые из них до сих пор помнят свое монгольское происхождение.

Ключевые слова: этнокультурные связи, маньчжуры, ассимиляция, монголы, миграции, дауры, баргуты